

Неужели Ало специально подсунула ей пионовый жребий? Шэнь Юньшу не верила, что она сделала это из тщеславия. Что заставило Ало считать, что она должна быть этим величественным пионом?

— Какая удача.

Шэнь Юньшу последовала её примеру, слегка улыбнувшись, и встала позади старшей сестры.

Сегодня Ало была одета ещё более роскошно, чем обычно. Знала ли она, что приедет старшая принцесса Юньян? Но ходили слухи, что после вдовства принцесса больше не любит яркие и броские наряды.

— Юньшу, я специально пришла найти тебя.

Гу Юйци смотрела на девушку перед собой, которая больше не выглядела скованной.

Сначала она просто хотела что-то сделать для Цзыпэй, но теперь, похоже, участвовала в чем-то небывалом. Она спокойно поправила золотую шпильку с рубиновыми вставками и перьями, которую подарил ей двоюродный брат. Мать, кажется, была очень удивлена.

— В таком случае Юньхуа первой уходит.

Гу Юйци, увидев колебания Шэнь Юньшу, улыбнулась.

— Как раз видела сестру Ван, которая ловила рыбу у беседки с лотосами. Сестра Шэнь, возможно, встретишь её.

Шэнь Юньхуа слегка удивилась:

— Благодарю княжну.

— Юньшу, ты слышала слухи в городе?

— О чём, княжна?

— Горожане, услышав наши слова, очень одобрили.

— Разве это не хорошо? — Шэнь Юньшу, увидев горькую улыбку на лице Гу Юйци, с недоумением спросила.

— Однако наше понятие самоуважения превратилось в целомудрие. Моя идея заключалась в том, чтобы призывать к тому, чтобы даже если у девочек нет возможности учиться, они хотя бы знали несколько слов, и надеялась, что в народе последуют примеру Дунлина и создадут школы для девочек. Но они говорят, что долг женщины — быть добродетельной, например, никогда не выходить замуж второй раз, заботиться о муже и детях, даже если она страдает, и ставить интересы семьи выше своих, чтобы не опозорить родителей.

Шэнь Юньшу тоже нахмурилась:

— Ученые мужи считают, что долг женщины — вести хозяйство, и люди естественно следуют этому. В книгах великих конфуцианцев тоже много таких идей, не стоит винить народ.

Гу Юйци внимательно посмотрела на неё. Хотя она была на год младше, её спокойствие и зрелость могли бы соперничать с молодыми чиновниками, добившимися успеха.

— Юньшу права, — её голос стал мягче, без прежнего гнева. — Посторонние думают, что ученицы Дунлина, кроме трёх послушаний и четырёх добродетелей, занимаются только рукоделием. Если так... маленькая Шу, есть ли у тебя ещё идеи?

— Ваша покорная слуга осмеливается предложить.

Шэнь Юньшу долго молчала, прежде чем ответить.

— Начнём с книжных лавок. Девушки из простых семей читают романы о талантливых юношах и красавицах, другие, у кого есть свободные деньги, любят читать рассказы о рыцарях, призраках и путешествиях. До поступления в академию я иногда читала такие книги, и больше всего ненавидела, когда беспутные юноши, ничего не добившись, к старости не могут больше предаваться любовным утехам, а их добродетельные жены рожают детей и заботятся о семье всю жизнь, и кто-то считает это идеальным концом. Если княжна может, пусть наймут людей написать биографии героинь прошлого и красавиц, которые жертвовали собой; или истории о неверных мужчинах, чьи коварные планы раскрываются, и они остаются ни с чем.

Услышав «маленькая Шу», она вспомнила, как они познакомились. Возможно, из-за общих взглядов, они, хотя знали друг друга всего месяц, казались старыми друзьями.

Но Ало искренне к ней относилась, а она пока не могла ответить тем же. Даже если между близкими друзьями это не обязательно, она чувствовала себя виноватой.

Вспомнив слова Ало после того, как она помогла Хуайсюэ, Шэнь Юньшу подумала, что, возможно, стоит считать себя её советником.

Ало была добродетельна, с характером благородного человека, способного нести тяжесть мира; и она обладала глубоким умом, будучи яркой личностью современности. Тысячу лет назад она могла бы стать мудрым правителем.

Это звучало смешно, но Шэнь Юньшу всегда была мечтательницей. Всю жизнь она осторожно двигалась в женских покоях, но это было вынужденно. Если бы она действительно разделяла взгляды о том, что мужчины должны заниматься внешними делами, а женщины — домашними, как бы она могла думать о несправедливости в мире?

Теперь они сидели в Беседке Осеннего Аромата, где они «случайно» встретились в прошлый раз. Цинхэ наливала чай Шэнь Юньшу, а Цинлянь подметала опавшие цветы на перилах. Как служанки, которые всегда были рядом, они постепенно привыкли к этому.

Цинхэ с детства была рядом с Шэнь Юньшу, видя, как она много читает, но всё же не ожидала, что она сможет говорить такие вещи. Она восхищалась её заботой о мире и в то же время стыдилась собственной ограниченности. Цинлянь же загорелась энтузиазмом, она была поражена дальновидностью своей госпожи и радовалась, что выбрала её. Цинлянь теперь была уверена, что Шэнь Юньшу достигнет великих дел, и она, как свидетельница этого, будет гордиться.

— Юньшу, твой план очень хорош.

Гу Юйци, услышав её обращение, взглянула на Шэнь Юньшу, но ничего не сказала, погрузившись в размышления.

— Садись.

— ...Дайянь, давно не виделись.

Гу Ситун смотрела на человека перед собой.

— Говорят, ты обычно одеваешься ярко на уроках, почему сегодня так просто?

Ши Дайянь была одета в длинное платье тёмно-голубого цвета, с лёгким плащом, накинутым на плечи. Без макияжа, её брови были нежными, как лунный свет, и ясными, как утреннее солнце.

Именно эти брови когда-то стали причиной их роковой связи.

— Все говорят, что старшая принцесса Юньян добра и великодушна, но сегодня вижу, что ты всё так же едка?

Ши Дайянь спокойно смотрела на чайные листья, беспокойно плавающие в кипятке, и вздохнула.

— Говори, Тун, зачем ты пришла?

— ...Вскоре я перееду во дворец, чтобы учить Миньянь грамоте.

Гу Ситун вдруг почувствовала негодование. Мир считал её благородной принцессой, но перед Ши Дайянь она всегда теряла самообладание. Ши Дайянь просто поддерживала этот спокойный вид, иногда вздыхала с грустью, и этого было достаточно, чтобы заставить её пойти на всё.

Но три года назад, когда она решила отказаться от титула принцессы и сбежать с любимым, Ши Дайянь сказала, что её сердце принадлежит другому. Ха, если бы это было правдой, почему она дала обет безбрачия вскоре после её свадьбы?

— Это кузина приехала.

Шэнь Юньшу, услышав её слова, быстро встала, обменялась взглядом с собеседницей и пошла встречать.

— Ци, не нужно церемоний. Это, должно быть, вторая барышня семьи Шэнь? — вежливо спросила Гу Ситун.

— Ваша покорная слуга приветствует старшую принцессу Юньян.

Гу Ситун была одета в длинное платье шёлкового цвета, с длинным шлейфом, напоминающим хвост феникса. Её чёрные волосы были уложены в причёску с золотой шпилькой, украшенной каплей рубина и фениксом, и жемчужными серьгами. На её тонком запястье был браслет с двумя драконами, украшенный драгоценными камнями, а на лбу — узор красной сливы. В её изящной и элегантной манере всё ещё можно было узнать черты знаменитой красавицы, покорившей столицу в прежние годы.

— Вежливая девушка.

Гу Ситун мягко кивнула, но Шэнь Юньшу было трудно воспринимать её как старшую, глядя на её прекрасное лицо.

— Ци, я слышала, ты недавно устроила цветочный банкет в своём дворце? Ты даже не прислала

мне пиона.

— Это моя оплошность.

Гу Юйци повернулась и приказала:

— Исяо, после возвращения во дворец отправь две последние вазы с нефритом из Ланьтяня во дворец кухни.

— Словно я отнимаю у тебя что-то.

Шэнь Юньшу, стоя рядом, слушала их обмен любезностями с улыбкой. Старшая принцесса была всего лишь двадцати с небольшим лет, она должна была быть более жизнерадостной, как принцесса Хэн. Ушедшие ушли, но живым нужно жить.

Раньше она бы пресекла такие крамольные мысли, но теперь Шэнь Юньшу позволяла себе думать. В конце концов, она не собиралась говорить это вслух и навлекать беду на свою семью. В наше время не казнят за мысли.

— Кстати, кухня, что привело тебя сегодня?

— Миньянь исполнилось шесть лет, брат-император вчера спросил, не согласилась ли я войти во дворец и дать ей начальное образование. Я никогда не была наставником, так что в душе немного тревожусь и хотела бы перенять опыт у Дайянь несколько дней.

Гу Ситун говорила мягко, в её глазах плясала улыбка.

Гу Юйци подумала немного и тут же поняла:

— Наставница Ши в юности была твоей сопрайега, вот в чём дело. Раз так, кухне стоит почаще навещать Дунлин.

— Я вдова, что будет, если я буду часто выходить из дома?

Видя несогласие на лице кухни, Гу Ситун тихо вздохнула в душе.

— Во дворце ещё есть дела, так что я прощаюсь. Госпожа Шэнь, Ци говорила, что вы очень души, в будущем прошу присматривать за ней.

Шэнь Юньшу снова и снова сказала, что не смеет. Независимо от статуса, княжна старше её, а слова старшей принцессы Юньян, даже если сказанные из вежливости, показывали, что она не связана условностями.

— Исяо, на чём мы с Юньшу остановились?

Они продолжили беседу, но в сердце Гу Юйци она тайно о чём-то размышляла.

<http://bllate.org/book/16779/1542798>